

Государственное принуждение в политической практике и правомерность его применения*

Алексей Строителев

Наиболее важным направлением в исследовании проблем безопасности является политический анализ проблем национальной безопасности. Заслуживает одобрения и поддержки научное положение о том, что «в деятельности государства политика выступает в своем концентрированном выражении... Несомненно, государственная власть выступает как высшая форма, наиболее полное выражение политической власти...», выдвинутое политологом А.В.Макеевым в его известной работе «Политика и безопасность»¹.

Наглядным примером функционирования государственной власти в политике государственной безопасности являются контртеррористические операции на территории Чеченской и других северокавказских республик, осуществляемые государством. Данный акт политики обеспечения национальной (государственной) безопасности представля-

ет собой реализацию важнейшей функции органов государственной власти – обеспечения суверенитета и территориальной целостности страны (п. «д» ст. 144 Конституции РФ) путем политического насилия, осуществляемого военным, специальным (конспиративным), дипломатическим и информационно-психологическим способами политики

СТРОИТЕЛЕВ Алексей Николаевич – кандидат юридических наук. E-mail: prorags@gmail.com

Ключевые слова: насильственные посягательства на национальную безопасность, борьба с терроризмом, государственное принуждение, правовое, силовое и специальное принуждение, правомерность применения, политическая практика, физическая сила, оружие и спецсредства.

* Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2012. № 6, 7.

государственной безопасности в отношении националистически-сепаратистских, бандитских формирований и отдельных лиц, посягающих на конституционный строй².

Очевидно, что политическое насилие в данном случае представляет государственную власть как власть политическую. Более того, политическое насилие в данном случае представляет собой политическую волю государства. Все это напрямую относится к более широкому явлению – институту государственного принуждения как составляющей политической практики.

Значительную роль в разрешении философско-правовой проблемы правомерности государственного принуждения в сфере обеспечения национальной безопасности сыграли научные работы целого ряда авторов.

Помимо упомянутого выше А.В.Макеева следует отметить К.Х.Момджяна, разработавшего социально-философскую методологию правоохранительной деятельности как субстанции социального³, Ю.И.Семенова, предложившего формационный подход для выявления основных типов силового принуждения в социальном процессе⁴, а также доктора философских наук В.В.Колотушу, выступившего с социально-философской концепцией «силового принуждения». Он, в частности, рассматривает данную концепцию в качестве методологического подхода к обеспечению государственной безопасности от угроз силового характера⁵.

В.В.Колотуша предлагает осуществить сопряжение понятийного ряда социально-философской концепции «силового принуждения» с понятийным аппаратом теории национальной безопасности, которая, по его мнению, должна оперировать не военным термином «вооруженное насилие», а понятием «силовое обеспечение безопасности» от

широкого спектра угроз (военных, разведывательно-подрывных, террористических, криминальных). Само же силовое принуждение рассматривается им как особый способ социального управления и социального взаимодействия, основанный на применении силы или угрозе ее применения.

Отличительными признаками силового принуждения в этом случае выступает нанесение и угроза нанесения прямого ущерба жизни, здоровью, правам и свободам объектов, в отношении которых направлено силовое воздействие, осуществляемое соответствующими государственными структурами. При этом субъектами силового принуждения (по В.В.Колотуше) выступают: мировое сообщество, коалиция стран, конкретное государство, силовая организация или силовой орган государства, сотрудники силовых структур государства, использующие оружие, боевую технику, снаряжение, спецсредства, инструкции, наставления, полученные знания, умения и навыки.

Предложенная им классификация форм силового принуждения включает формы политического (информационно-пропагандистские акции, провокации, этническая, языковая, религиозная, классовая, половозрастная дискриминация) и неополитического принуждения, которые, в свою очередь, подразделяются на формы криминального и некриминального принуждения.

Особую подгруппу форм политического принуждения представляют те, в основе которых лежит стремление к захвату государственной власти путем выхода за рамки существующего правового поля. Одной из таких форм, активно используемых в последнее время высшим политическим руководством США, Великобритании, Франции, Германии, Израиля, Турции, Саудовской Аравии, являются так называемые «цветные революции», инспирируемые извне для смены неугодных политических режимов с использованием преимущественно «ненасильственных технологий».

Заслуживает внимания выдвигаемое В.В.Колотушей положение о том, что в современном глобализирующемся мире происходит интенсивная трансформация силового при-

нуждения со стороны отдельных государств и их союзов. Это обусловлено:

- сложным процессом становления единого мирового сверхобщества;
- глобальной классовой борьбой;
- новым информационным этапом научно-технической революции;
- комплексом культурно-цивилизационных противоречий;
- обострением глобальных экономических и экологических проблем современности;
- повышением активности и территориального охвата сил международного терроризма и международной организованной преступности.

Важно отметить, что перечисленные выше и некоторые другие авторы, исследующие данную проблему, придают особое значение ценностным основаниям силового принуждения, которые направляют, ограничивают, координируют деятельность государственных силовых структур, а главное – придают их деятельности необходимую легитимность, служат базисом для оценки результатов силового принуждения и позволяют его рассматривать как общественно необходимый вид деятельности.

В качестве таких ценностных оснований ученые, занимающиеся разработкой проблем государственного принуждения, чаще всего называют:

- гуманизм;
- законность;
- патриотизм;
- соразвитие общностей и культур;
- потребности устойчивого экономического роста;
- личную и общественную безопасность;
- лояльность законно избранной власти и подконтрольность ей;
- легальность силового принуждения;

– некоммерческий характер указанной деятельности;

– минимизацию ущерба и потерь личного состава государственных структур;

– правовую защищенность и высокий социальный статус их сотрудников.

В зависимости от характера внутренних и внешних угроз национальной безопасности российское государство применяет различные меры противодействия, которые отличаются целевой направленностью, правовым содержанием, применяемыми силами, средствами, способами и формами действий.

Законодательством Российской Федерации определен круг субъектов, которые наделены правом пресекать реальные и непосредственные угрозы безопасности личности, общества и государства, подавлять и нейтрализовать преступные посяательства, принуждать носителей этих угроз к отказу от совершения правонарушений.

В научной и специальной литературе при характеристике государственного принуждения принято различать правовое (уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное), силовое и специальное принуждение (воздействие). Сущность указанных форм государственного принуждения можно охарактеризовать следующим образом.

Правовое принуждение осуществляется в связи с неправомерным, вредным для общества деянием. Оно обеспечивает защиту интересов личности, общества и государства, реализацию государственно-властных

предписаний по отношению к правонарушителям.

Силовое принуждение представляет собой комплексное воздействие органов федеральной службы безопасности на конкретных лиц с использованием физической силы, специальных средств и оружия. Силовое воздействие может применяться в отношении отдельных вооруженных лиц, организованных вооруженных формирований, а также больших неорганизованных групп населения, использующих средства и методы вооруженного насилия.

Физическое принуждение как элемент силового принуждения выражается в виде захвата преступника, его удержания, ограничения передвижения, лишения возможности продолжать противоправную деятельность, принудительной доставки в обусловленное место, принуждения преступника или других лиц совершить определенные действия и т. п.

Специальные средства в арсенале средств силового принуждения (резиновые дубинки, наручники, боеприпасы газового, маркерного, светозвукового, электрошокового воздействия и т.п.) используются только для пресечения преступных посягательств и в случаях, когда были исчерпаны иные ненасильственные меры прямого и косвенного воздействия на правонарушителей.

Применение оружия, боевой техники и других средств вооруженной борьбы является крайней мерой силового принуждения, используемой уполномоченными государственными органами только в исключительных случаях и в порядке, установлен-

ном действующим федеральным законодательством.

Специальное принуждение (воздействие) как форма государственного принуждения подразумевает применение компетентными органами исполнительной власти (прежде всего субъектами оперативно-розыскной деятельности) в отношении объектов принуждения специальных средств и методов (информационного влияния, рефлексивного управления, психологического воздействия и т.п.).

Меры государственного принуждения применяются такими органами в комплексе или в различных сочетаниях в зависимости от характера решаемой задачи, степени угрозы безопасности национальным интересам государства, правам и свободам граждан, состава преступных групп (противника), их вооруженности и уровня сопротивления законным действиям сил обеспечения безопасности и правопорядка.

Необходимо подчеркнуть особую актуальность всех форм государственного принуждения в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, что подразумевает исключительную важность противодействия их идеологии. Сокращение и нейтрализация влияния идеологии терроризма и экстремизма на население страны как самостоятельное направление государственной политики в указанной сфере должно преследовать цель формирования негативного отношения у населения к любым формам терроризма и экстремизма, что предполагает три основных аспекта: идеологический, организационный, правоохранительный.

Правоохранительный аспект, в частности, предполагает использование не только административно-правовых и уголовно-правовых, но и силовых мер для предупреждения и пресечения противоправной деятельности любых организаций и отдельных лиц, связанной с распространением идеологии и практики терроризма и экстремизма на территории Российской Федерации.

Данный аспект должен получить дальнейшее развитие в части, касающейся обеспечения адекватного по масштабам и последствиям уголовного преследования по фактам не только самих террористических проявлений, но и пропаганды терроризма (ст. 205.2 УК РФ)⁷, а также усиления контрольных и надзорных функций соответствующих федеральных органов законодательной и исполнительной власти, Следственного комитета и прокуратуры в области применения силовых мер воздействия.

Говоря о правомерности и правовом обеспечении мер силового и специального принуждения, осуществляемого уполномоченными государственными органами от лица государства, необходимо отметить, что существует значительная в количественном отношении группа международных правовых актов, образующих прочную международную правовую основу противодействия терроризму. Она состоит из:

- 12 универсальных конвенций ООН по вопросам борьбы с терроризмом;

- отдельных региональных соглашений в рамках Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества и СНГ;

- двухсторонних соглашений Российской Федерации с рядом иностранных государств в области борьбы с терроризмом, организованной преступностью, недопущения отмывания денежных средств и финансирования терроризма⁷.

Данные акты образуют юридический инструментарий, который указанные органы вправе использовать при применении мер государственного принуждения в борьбе с терроризмом (табл. 1).

Особое место среди них занимают международно-правовые документы по вопросам предупреждения и пресечения захвата заложников и других террористических актов, в которых закреплено право государств применять меры пресечения данных преступлений⁹.

Так, в Гаагской конвенции «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» 1970 г. любой захват воздушного судна, в том числе совершенный по политическим мотивам, является преступлением.

В Европейской конвенции по борьбе с терроризмом 1977 г. определено, что захват заложников расценивается как преступное деяние и относится к террористическим актам.

На основе принятого в 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции «О борьбе с захватом заложников» многие иностранные государства заключили многосторонние и двусторонние соглашения, предусматривающие возможность проведения национальными спецслужбами специальных операций по освобождению заложников, захваченных в транспортных средствах, на территории других стран или привлечения террористов к уголовной ответственности в той стране, где они сдались властям (табл. 2).

Таблица 1

Документ	Место и дата	Страны-подписанты	Примечания
Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов	Токио, 14.09.63 г.	171	Разработчик ИКАО*
Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов	Гаага, 16.12.70 г.	174	Разработчик ИКАО
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации	Монреаль, 23.09.71 г.	175	Разработчик ИКАО
Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов	Нью-Йорк, 14.12.73 г.	107	Принята ГА ООН
Международная конвенция о борьбе с захватом заложников	Нью-Йорк, 18.12.79 г.	96	Принята ГА ООН
Конвенция о физической защите ядерных материалов	Нью-Йорк и Вена, 03.03.80 г.	68	МАГАТЭ
Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию	Монреаль, 24.02.88 г.	107	—
Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства	Рим, 10.03.88 г.	52	Разработана ИМО**
Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе	10.03.88 г.	48	—
Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения	Монреаль, 01.03.91 г.	67	Разработана ИКАО
Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом	15.12.97 г.	26	Принята ГА ООН
Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма	Нью-Йорк, 9.12.99	—	—
Рекомендации «Группы восьми» по противодействию терроризму	—	—	—
Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о мерах по ликвидации международного терроризма	09.12.94 г. и 1996 г.	—	—

* ИКАО – Международная организация гражданской авиации (англ. *International Civil Aviation Organization* – ICAO).

** ИМО – Международная морская организация (англ. *International Maritime Organization* – IMO) – международная межправительственная организация, является специализированным учреждением ООН, служит аппаратом для сотрудничества и обмена информацией по техническим вопросам, связанным с международным торговым судоходством.

Таблица 2

Документ	Место и дата подписания
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области борьбы с преступностью	Москва, 6.10.97
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о сотрудничестве в борьбе с преступностью	Москва, 26.5.98
Соглашение о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Португальской Республики в области борьбы с преступностью	Москва, 29.5.2000
Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о сотрудничестве в борьбе с терроризмом	Нью-Дели, 4.12.2002
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словения о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и иными видами преступлений	Москва, 15.5.2000
Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о сотрудничестве в борьбе с преступностью	Москва, 19.41.95, с изм. от 2.12.97
Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре	Санкт-Петербург, 7.6.2002

Наиболее подробно вопросы проведения совместных контртеррористических операций (КТО) разработаны в странах СНГ, которые в рамках международного сотрудничества создали Антитеррористический центр стран СНГ и разработали ряд важных документов, регламентирующих порядок проведения совместных КТО на территории данных государств (табл. 3).

В целом же антитеррористические международные правовые акты содержат положения, определяющие лишь общие правовые рамки, необходимые для организации действен-

ного международного отпора терроризму.

Как справедливо отмечает Т.М.Виноградская, они не содержат конкретных норм тактических действий против террористов⁹. И хотя, по мнению большинства ученых, принципы антитеррористической борьбы должны быть достаточно жестки и иметь адекватную юридическую поддержку, международные правовые документы пока страдают излишней декларативностью. В первую очередь это относится к юридическому обоснованию мер пресечения террористических акций с использованием мер силового и специального принуждения.

Таблица 3

Документ	Место и дата подписания
Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом	Минск, 04.06.1999 г.
Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства	Минск, 26.05.1995 г.
Заявление глав государств – участников Содружества Независимых Государств о борьбе с международным терроризмом	Астана, 16.09.2004 г.
Решение о Докладе о ходе выполнения в 2000 г. Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года и Программы государств – участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма до 2003 г.	Минск, 01.06.2001 г.
Решение об Информации о ходе выполнения Решения Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 1 декабря 2000 г. об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 01.06.2001 г.
Информация о ходе выполнения Решения Совета глав государств СНГ от 1 декабря 2000 г. об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ. Приложение к Решению	Минск, 01.06.2001 г.
Решение о Положении о полномочных представителях государств – участников Содружества Независимых Государств при Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 31.05.2001 г.
Решение об Антитеррористическом центре государств – участников Содружества Независимых Государств	Минск, 01.12.2000 г.
Положение об Антитеррористическом центре государств – участников СНГ	
Федеральный закон от 4 мая 2006 г. N 63-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств и Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств и др.	21.10.2003 г.

Создание полноценной правовой основы борьбы с международным терроризмом, адекватной масштабам этого явления, учитывающей финансовые, организационные, материально-технические, пропагандистские возможности международных террористических организаций, их политическую ангажированность, является настоящей необходимостью. Она существенно усиливается в связи с тем, что до настоящего времени не в полной мере искоренена политика двойных стандартов ряда зарубежных государств, иностранных некоммерческих, неправительственных и международных организаций в отношении силовых мер по борьбе с терроризмом, к которым вынуждена прибегать Российская Федерация. По этой причине одни и те же мероприятия, проводимые Российской Федерацией, США и другими ведущими государствами мира, получают различную оценку¹⁰.

По мнению автора, к неотложным проблемам международно-правового урегулирования деятельности правоохранительных органов и спецслужб в области реализации мер государственного принуждения (его силовой формы), подлежащих совместному решению, следует отнести разработку общепризнанных международных стандартов:

- в области обеспечения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов¹¹;

- основания допустимости ограничения прав и свобод личности при угрозе совершения террористических акций;

- основания, порядок введения, поддержания и отмены особого правового режима «внутреннего вооружен-

ного конфликта» и правового режима «контртеррористической угрозы»;

- основания, порядок и сроки информирования международной общественности о допущенных отступлениях от норм международного права, в области прав и свобод личности, их причинах, обоснованности, временных и пространственных рамках проводимых контртеррористических и иных мероприятий по нормализации обстановки;

- основания, порядок проведения национальными правоохранительными органами и спецслужбами контртеррористических операций на территории иностранных государств.

Что же касается уровня национального законодательства, регулирующего своими нормами меры силового и специального принуждения организаций и лиц к прекращению преступной деятельности, связанной с насильственными посягательствами на национальную безопасность, то необходимо отметить следующее.

Международный опыт свидетельствует, что в большей или меньшей степени разработанности каждое государство имеет свою собственную систему законодательства, рассчитанного на различные чрезвычайные обстоятельства, локализация и ликвидация которых требует применения наряду с другими и силовых форм и способов действий. В российском законодательстве к таким нормативным правовым актам следует отнести:

- федеральные конституционные и федеральные законы, определяющие основания, порядок и содержание правовых режимов контртерро-

ристической операции, чрезвычайного и военного положения;

- федеральные законы, регулирующие правоотношения при наступлении чрезвычайных условий.

Так, в частности, конституционные положения, регулирующие деятельность органов федеральной службы безопасности, других правоохранительных органов и специальных служб, конкретизируются в следующих федеральных законах Российской Федерации:

- Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹²;

- Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹³;

- Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹⁴;

- Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (и последующих редакциях)¹⁵;

- Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁶;

- Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»¹⁷;

- Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹⁸;

- Федеральном законе от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»¹⁹;

- Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»²⁰;

- Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²¹;

- Федеральном законе от 27 июня 2006 г. № 153-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²² и др.

Одним из важнейших выводов, который может быть сделан из опыта реализации органами Федеральной службы безопасности, органами внутренних дел и военного управления задач в зоне проведения контртеррористических операций на территории Северного Кавказа является понимание того, что реагирование на кризисные и иные чрезвычайные обстоятельства нельзя рассматривать только как деятельность по ликвидации проявлений тех или иных угроз безопасности. Приоритетное значение имеют:

- предотвращение и нейтрализация угроз безопасности на ранних стадиях развития конфликтных отношений;

- заблаговременная разработка и своевременная реализация эффективных мер по урегулированию и разрешению конфликтного противоборства до его перехода в стадию вооруженного конфликта.

В действующем законодательстве эти вопросы пока не решены. Нет норм права, в которых были бы даны соответствующие понятия и определения, раскрывающие содержание такой деятельности органов государственной власти. Не сформулированы ее стратегия, принципы и методы, не определена четко система необходимых для этого сил и средств.

Федеральными законами Российской Федерации установлен порядок и условия применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники со-

трудниками правоохранительных органов в обычных условиях мирного времени. Однако проблема заключается в том, что порядок их применения автоматически распространяется и на условия районов кризисных ситуаций и вооруженных конфликтов. Вместе с тем специфика последних, обуславливающая их глубокие отличия от обычных условий обстановки, очевидны.

Таким образом, учитывая неготовность общественного мнения к ограничению прав и свобод граждан вследствие применения уполномоченными государственными органами силовых способов борьбы с насильственными посягательствами на национальную безопасность, представляется своевременным и целесообразным четко регламентировать эти вопросы именно на законодательном уровне.

Показательными в этом смысле представляются отзывы специалистов Главного правового управления Администрации Президента Российской Федерации и Правового управления Правительства Российской Федерации на проект Федерального закона о противодействии терроризму, а также дискуссия среди депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, состоявшаяся в феврале 2006 г. в ходе его обсуждения. Возражение значительного числа депутатов вызвало включение в проект закона нормы, предусматривающей ограничение ряда прав и свобод граждан при введении нового для российского за-

конодательства особого «*правового режима контртеррористической операции*».

Посчитав, что такие ограничительные правовые нормы могут являться составной частью правовых установлений лишь режима чрезвычайного положения, депутаты активно пытались исключить их из проекта. Одновременно из поля правового регулирования выпали другие меры, предложенные в проекте закона, в частности, введение еще одного принципиально нового особого правового режима – «*режима террористической опасности*», предусматривавшего реализацию мер, направленных на повышение готовности оперативно-боевых сил и средств общегосударственной системы противодействия терроризму при получении (поступлении) информации о готовящемся крупномасштабном преступлении.

В то же время следует заметить, что в законодательстве США и ряде других государств уже давно подробно регламентируются действия сил специальных операций, спецслужб и военных органов управления в кризисных ситуациях. При этом такого рода законодательные нормы обязательно находят отражение в подзаконных нормативных правовых актах. Характерно, что существенное место в данных документах отводится не только вопросам недопущения и срыва готовящихся террористических акций, но и вопросам правовой защищенности и поддержанию дееспособности сил обеспечения правопорядка*.

* Пункт 1, § 5122, ст. 42 Свода законов США; Закон США «О внутренней безопасности»; Закон Великобритании «Об общественном порядке»; Закон Франции «О свободе прессы»; Закон США «О контроле над преступностью и общественной безопасностью»; Закон Великобритании «О предотвращении терроризма»; Закон Канады «О чрезвычайном положении» и др.

Примечания

- ¹ *Макеев А.В.* Политика и безопасность. М.: Щит. 1998. С. 18–19.
- ² Конституция Российской Федерации: полный официальный текст по состоянию на 1 января 2012 г. М.: Проспект. 2012.
- ³ *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. М., 1997. С. 134.
- ⁴ *Семенов Ю.И.* Философия истории. М.: МФТИ, 2003. С. 433.
- ⁵ *Колотуша В.В.* Социально-философская концепция силового принуждения как методологический подход к обеспечению государственной безопасности от угроз силового характера // Концептуальные основы обеспечения государственной безопасности Российской Федерации: Сб. матер. межвед. науч.-практ. конф. (7 декабря 2010 г.). Академия ФСБ России. М., 2011. С. 130–139.
- ⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. М.: Проспект. 2012.
- ⁷ *Горбунов Ю.* Закон против террора. Формируется национальная правовая система противодействия терроризму // РГ. 2006. 9 авг.
- ⁸ Гаагская конвенция «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов», 1970 г.; Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.; Международная конвенция Генеральной Ассамблеи ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г. // URL: www.kn.org
- ⁹ *Виноградская Т.М.* Особенности современного терроризма и правовые основы борьбы с ним в международном формате // Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом. Сб. документов и материалов. М.: Издание Государственной думы, 2003. С. 81.
- ¹⁰ *Иванов С.Б.* Россия – НАТО: стратегические партнеры перед лицом новых угроз // Право и безопасность. 2004. № 3. С. 47–52; *Максимов О.М.* Права человека в современной России // Власть. 2003. № 10. С. 6–7.
- ¹¹ *Пчелинцев С.В.* Проблемы ограничения прав и свобод в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. С. 415.
- ¹² СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
- ¹³ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
- ¹⁴ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 6.
- ¹⁵ СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1269.
- ¹⁶ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
- ¹⁷ СЗ РФ. 1994. № 16. Ст. 1861.
- ¹⁸ СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
- ¹⁹ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
- ²⁰ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.
- ²¹ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
- ²² СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1214.